

Е Сяои проснулся от собственного смеха, эхом разнесшегося по тихой спальне.

Парень так и покатился по постели, утыкаясь лицом в подушку, чтобы сдержать рвущийся наружу хохот. Ну надо же было забыть! Как он только не предупредил Мо Юэ, что под палящим южным солнцем нужно беречь кожу?

«Ох, не могу... — Он вздрагивал от беззвучного смеха. — Если Мо Юэ и впрямь вернется черным, точно африканец, он ведь наверняка явится ко мне сводить счеты!»

Тем временем державший путь на запад Мо Юэ получил в дороге донесение от лазутчиков из Форта Орла.

Из Западного края сообщали, что великий князь Ань тайно сбыл налево две тысячи императорских скакунов. Разгневанный венценосный брат тут же сослал казнокрада на заставу Юймэнь — инспектировать гарнизоны. Пусть, мол, поглотает пыль пару месяцев, поостынет, а уж потом возвращается в столицу.

Однако Мо Юэ прекрасно понимал: этот сибарит и бездельник палец о палец не ударит ради службы. Какая там инспекция? Наверняка забился в какое-нибудь уютное гнездышко подальше от глаз начальства и преспокойно предается праздности.

Дорога в Западный край неизбежно пролежала через Юймэньгуань. Крепость там крошечная, яблоку негде упасть. И пускай Мо Юэ примет облик простого купца, при случайном столкновении князь Ань, знавший его в лицо, тут же почует неладное.

Пускай сам он числился лишь тринадцатым принцем, с царственным дядей он пересекался не раз. Соваться сейчас на заставу — чистой воды безумие. Раскроют в два счета. Разумнее всего было переждать.

К тому же на заставе вечно бушевали песчаные бури. Изнеженный Сяо Ань вряд ли долго выдержит подобные лишения — скорее всего, он уже умыл руки и тайно сбежал в какой-нибудь близлежащий богатый городишко, чтобы кутить под звуки лютен и флейт.

Приближаться к границе сейчас было смертельно опасно. Случись непредвиденное — и стража тут же перекроет все выходы. Тогда из запертого города и мышь не проскочит, не то что беглый принц.

Куда безопаснее дожидаться, пока Сяо Ань отбудет обратно в столицу.

Оставшись временно не у дел, Мо Юэ невольно поймал себя на мысли о мальчишке Е, который остался ждать его в Янчжоу. Сердце странно потеплело. А почему бы, собственно, и не навестить его?

От одной этой мысли он мягко улыбнулся. Желание поскорее очутиться в Янчжоу захлестнуло его с такой силой, что он не стал медлить ни секунды. Резко натянув поводья, он развернул скакуна и пустил его в галоп, обратно на юг.

Путь на север казался ему бесконечным и унылым, зато обратная дорога пролетела на одном дыхании. Конь летел быстрее ветра, словно стремясь догнать мысли своего всадника, которые уже давно умчались далеко вперед — к порогу родного дома.

Однако, когда он весь в мыле примчался к воротам Сада Е, его встретил тяжелый навесной замок на наглухо закрытых дверях.

— Прежние жильцы давно съехали, — лениво отозвался сторож из соседней лавки. — Кажется, перебрались в Персиковый сад, что в чистом квартале Цинлю. Поспрашивайте там, может, кто и подскажет точнее.

На сердце у Мо Юэ мгновенно заскребли кошки. Продали усадьбу? Спешно съехали? Неужели с мальчишкой стряслась беда? Не теряя ни мгновения, он прищипорил коня и устремился к северной окраине Янчжоу.

А на севере Янчжоу, среди тихих улочек живописного Персикового сада, Е Сяои в этот самый момент вел ожесточенный бой с трехтомным канонем «Три ритуала» — колоссальным трудом объемом без малого в двести тысяч слов.

Без досконального знания этих текстов и заикаться не стоило о высоком звании просвещенного мужа. Какой из тебя книжник, если ты в базовом этикете путаешься как деревенщина?

Появись он в приличном обществе без этих знаний — мигом прослышет неотесанным мужланом. Одно неловкое движение, и тебя поднимут на смех.

А устоев и правил у этих древних было пруд пруди. Если кто-то прилюдно ткнет в него пальцем и обвинит в невежестве, позора потом вовек не смыть.

Первая часть канона — «Книга этикета и церемониала» объемом в пятьдесят тысяч слов — целиком состояла из нудных и дотошных правил, регулирующих семейные и общественные связи. Она предписывала, как именно благородный муж должен выражать почтение старшим, соблюдать иерархию внутри клана и следовать священным принципам родственного долга.

Там расписывалось буквально все: от фасона одежд для каждого конкретного случая до направления взгляда, позы при сидении и даже ширины шага. Проще говоря, книга вежливо предупреждала: сядешь на званом пиру не на то место — и до конца дней останешься посмешищем для всей знати.

Этот фолиант с поистине материнской дотошностью регламентировал буквально каждый шаг, который человеку предстояло сделать от рождения до самой могилы.

В деталях описывалось прохождение обряда совершеннолетия, тонкости сватовства, погребальные ритуалы, правила визитов к равным по чину и даже строгий регламент пиршеств.

Всё было направлено на то, чтобы придать жизни благородного мужа как можно больше внешнего блеска и церемонности, резко отделив образованное сословие от безграмотной черни.

Сами чиновники чрезвычайно гордились этими условностями. Освоив «Книгу этикета», образованный человек мог путешествовать по всей Поднебесной, оставаясь образцом безупречных манер и никогда не рискуя вызвать недовольство хозяев.

Е Сяои уныло листал эти бесконечные параграфы и откровенно клевал носом. Тоска смертная! Ну какому зануде пришлось в голову расписывать подобный бред? Сделай шаг влево, повернись вправо... Голова уже шла кругом от этой бессмысленной карусели.

«О господи... — он со вздохом захлопнул тяжелую книгу. — Пятьдесят тысяч слов чистой заумной чепухи! Вот бы нашелся добрый человек и выделил самое важное».

Тут он невольно вспомнил о Мо Юэ.

Надо признать, у этого негодяя было потрясающее чутье на экзаменационные темы. Он безошибочно определял, какой именно абзац пойдет в билеты. Будь учитель сейчас рядом, он бы мигом расставил все акценты и избавил его от необходимости зубрить этот гигантский массив макулатуры.

Но поскольку тот уехал, оставалось лишь отложить усыпляющий фолиант в сторону и взяться за следующий свиток.

«Ритуалы династии Чжоу», также известные как «Книга чиновников Чжоу», объемом были схожи — всё те же пятьдесят тысяч слов. Но здесь речь шла уже не о частной жизни, а о государственном устройстве.

Текст подробно описывал структуру власти и чиновничьи ранги. Именно на основе этой древней системы строилась работа всего императорского двора с его министерствами и ведомствами.

Канон выделял шесть столпов государственного управления:

— министерство чинов, ведавшее продвижением по службе, назначениями и взысканиями;

— министерство доходов, под чьим контролем находились перепись населения, пахотные земли и сбор податей;

— министерство ритуалов, отвечавшее за важнейшие церемонии: от жертвоприношений предкам и коронации императриц до проведения государственных экзаменов и дипломатических приемов;

— военное министерство, державшее в руках армию;

— министерство наказаний, следившее за соблюдением законов и судами;

— Министерство работ, в чьи обязанности входили строительство дорог, ирригация, возведение плотин и ремесленные мастерские.

Пробежавшись глазами по тексту, Сяо И благополучно закрыл свиток. Решил так: если боги сподобятся и он все-таки сдаст экзамены, то, оказавшись в каком-нибудь ведомстве, тогда и зазубрит его устав. Тратить драгоценные силы на это прямо сейчас было бы верхом расточительности.

Третий том, знаменитая «Книга ритуалов», пугал своим объемом — целых сто тысяч слов, разбитых на сорок девять глав. Здесь авторы пускались в глубокие философские рассуждения о сути и происхождении этикета, объясняя будущим чиновникам сакральный смысл каждого обряда.

Текст охватывал колоссальный пласт знаний: от древнейших устоев общества и бытовых традиций до сложнейших этических норм и даже влияния манер на душевное равновесие. Неудивительно, что именно по «Книге ритуалов» на экзаменах задавали больше всего вопросов.

К счастью для Сяо И, в отличие от зубодробительной древней «Книги документов», этот трактат обладал великолепным литературным слогом. Написанный легкой, изящной прозой, он то иллюстрировал мудрость короткими притчами, то поражал воображение монументальными, выверенными рассуждениями, то радовал емкими афоризмами.

Такие шедевры, как «Великое учение», «Учение о середине» и «Круговорот ритуалов», требовалось зазубрить от корки до корки. В остальных же главах он нацелился отыскать ключевые изречения и сосредоточить все силы на этих сорока девяти текстах.

И все же сто тысяч слов — объем колоссальный. Каждая из глав превосходила по длине разделы той же «Книги документов» в несколько раз.

Работая с прежними канонами, Сяо И шел на хитрые уловки: безжалостно отсекал второстепенную «воду» и зубрил лишь ключевые емкие абзацы объемом слов по триста.

Без подобных хитростей разве смог бы он за пару месяцев одолеть такую немыслимую заумь, да еще и удержать все в памяти?

С «Книгой ритуалов» он решил поступить так же: заучивать лишь абзацы, содержащие крылатые выражения, и делать исключения только для безоговорочно признанных шедевров.

Поговаривали, что даже на императорских экзаменах в части по памяти никто не требовал воспроизводить бесконечные свитки целиком. Экзаменаторы обычно давали лишь первую строчку, требуя дописать абзац до конца.

Но стоило Сяо И углубиться в чтение, как он с ужасом обнаружил, насколько легко и плавно ложатся строки на слух. Текст лился как песня, фразы сами собой запоминались. «Неужели придется зубрить вообще все?» — обреченно подумал он.

Нет, сто тысяч слов — это явный перебор. Лень-матушка упорно протестовала против такой каторжной работы.

Поразмыслив, он решил навеститься к своему соседу по Персиковому саду, Е Фантяню, чтобы тот помог ему сократить масштаб бедствия и выделил самое важное.

Тот, умиравший от скуки, при виде увесистого свитка в руках гостя так и прыснул со смеху:

— Ого, Сяо И! Неужто наш юный гений наконец снизошел до Книги ритуалов?

Отпрысков благородных семейств натаскивали по разделу «Внутренние правила» с младенчества. В шесть лет они обязаны были уметь считать и различать стороны света, в семь — твердо знали, что мальчикам и девочкам негоже сидеть за одним столом, а к восьми годам без запинки могли определить свое место на любом торжественном приеме.

Сяо И же, выросший в простой деревенской семье, привык плюхаться на первый попавшийся стул, что в глазах аристократов выглядело дремучим невежеством. Е Фантянь частенько беззлобно подшучивал над ним по этому поводу.

Впрочем, это было не более чем дружеское подтрунивание. Он отличался бунтарским нравом и условностями пренебрегал, да и его собутыльники в тесном кругу вели себя как бог на душу положит. Его шпильки в адрес Сяо И диктовались исключительно неистребимой страстью поязвить.

Сяо И на эти колкости даже бровью не вел. Он давно раскусил этот тип людей: чем больше ты им симпатичен, тем яростнее они тебя задирают. Стоит показать, что ты задет, — и считай, проиграл.

Привычно пропустив мимо ушей очередную подколку, парень сразу перешел к делу:

— Подскажи лучше, какие главы из этого талмуда чаще всего всплывают на экзаменах? Отметь самое важное.

Е Фантянь пренебрежительно цокнул языком.

— Поглядите на него! Братец Сяо И, ну и кто тебя так разбаловал? Даже в учебе умудряешься срезать углы! Тракаты по этикету учатся куда проще прочих канонов. Ты еще молод, за пару лет преспокойно все одолеешь. Уж не Мо Юэ ли приучил тебя к этой преступной лени?

На самом деле Е Фантянь и сам зубрил только то, что требовалось для тестов. Обнаружив в Сяо И родственную душу, он втайне обрадовался, но отказать себе в удовольствии подразнить приятеля и полюбоваться на его реакцию просто не мог.

Сяо И безучастно дождался, пока иссякнет поток чужого красноречия. Лишь тогда Е Фантянь соизволил сменить гнев на милость:

— Ладно уж, давай сюда свой свиток. Твой старший брат пообеет тебе все лакомые кусочки.

С этими словами он обмакнул кисть в киноварь и принялся споро выводить жирные красные кружки перед нужными параграфами.

На разметку стотысячного трактата ушел добрый вечер. Все это время Сяо И вольготно сидел рядом, потягивая ароматный чай и звучно щелкая семечки под чтение какой-то легкой повести.

— Ну и лентяй же ты, — проворчал Е Фантянь, не прерывая своего занятия. — Хоть бы семечек почистил для приличия, выразил уважение старшему товарищу. Не видишь разве — у меня руки заняты, а рот без дела мается?

Сяо И как раз поднес к губам очищенное ядрышко. Услышав эту тираду, он, недолго думая, бесцеремонно запихнул его прямо в полуоткрытый рот приятеля.

Тот довольно усмехнулся, прожевал угощение и снисходительно кивнул:

— О, а ты быстро учишься! Ну-ка, продолжай в том же духе. Глядишь, подобрею и еще парочку книг тебе размечу.

Сяо И на мгновение замер, но спорить не стал. В своей прошлой жизни за подобную услугу он бы как минимум выставил хорошему человеку пачку сигарет, так что почистить горсть семечек — сущая ерунда. Он принялся за работу.

Перелистывая страницы, парень методично очищал семечки одну за другой и складывал

аккуратные ядрышки на расписное блюдце.

Однако наглый хозяин дома и не думал униматься. Закидывая в рот очередную порцию лакомства, он мечтательно протянул:

— Сяо И, а на цине играть ты умеешь? Эх, сейчас бы не помешало немного изысканной музыки для вдохновения...

— Не умею, — отрезал он, даже не подняв глаз от текста.

Он уже сто раз успел пожалеть, что связался с этим несносным балагуром, который физически не мог помолчать ни минуты.

Е Фантянь театрально вздохнул:

— А ведь у твоего Мо Юэ игра просто божественная. Одну только «Гуанлинсань» он исполняет так, что прохожие замирают на месте, а птицы забывают взмахнуть крыльями. В первой части — величие и покой, а во второй — яростный скрежет копий и мечей, передающий весь гнев Не Чжэна, решившего покарать ханьского правителя. Раз уж твой наставник так искусен, отчего ты у него ничему не научился?

— Будь у меня лишнее время, — отозвался Сяо И со всем присущим ему прагматизмом, — я бы потратил его на каллиграфию. Полезнее будет.

Е Фантянь так и прыснул:

— И то верно! Твои каракули пока напоминают следы от собачьих лап на мокрой глине, так что потренироваться не мешает. Но и без музыки тебе не обойтись. Если всерьез метишь в первые ряды на экзаменах, изволь показать класс во всех Шести искусствах: ритуалах, музыке, стрельбе из лука, управлении колесниц, каллиграфии и математике.

Сяо И наконец оторвал взгляд от страницы.

— Что за чертовщина?

«Только не говорите мне, — его внутренний голос сорвался на панический визг, — что помимо этой бесконечной зубрежки, трактатов и проклятых прописей мне придется осваивать еще целую кучу дисциплин! Да я же с ума сойду!»

— Ты серьезно не слышал о Шести искусствах? — изумился Е Фантянь. — Сразу после Столичного экзамена начнется проверка по верховой езде, стрельбе, письму, математике и музыке. Быть лучшим во всем не обязательно, но блестящие результаты прибавят тебе веса в

глазах судей и заметно поднимают в общем списке.

Именно поэтому настоящие ученые мужи обязаны уметь все: и стихи слагать, и на лютне играть, и кистью владеть, и в седле держаться, посылая стрелу точно в цель. Он поглядел на Сяо И как на пришельца с другой планеты. Как можно нацеливаться на звание Чжуанюаня и пребывать в столь блаженном неведении?

Сяо И в ужасе уставился на собственные ладони. Черт побери, да его короткие пухлые пальцы больше походили на куриные лапки! И этой неуклюжей пятерней ему прикажут перебирать тонкие струны циня? А потом еще и тетиву тугого лука натягивать?!

Вид у парня был настолько несчастный, что Е Фантянь снова покатился со смеху.

— Да не вешай ты нос! Не умеешь — научим, делов-то. На днях выкрою время и покажу тебе пару приемов. Музыкальная грамота — штука простая, главное — уловить суть. Освоишь струны, а там и с флейтой мигом разберешься.

Сяо И уныло кивнул, признавая поражение, и пододвинул приятелю пиалу со свежим чаем.

— Смотри, учи на совесть. Пальцы у меня и впрямь как деревянные.

Бросив взгляд на пухлую ладонь Сяо И, Е Фантянь расхохотался во весь голос:

— Ну-ка, ну-ка, покажи своему учителю, насколько безнадежны эти твои лапки!

Притаившийся на черепичной крыше Мо Юэ не сводил глаз с распахнутого окна. Наблюдая за тем, как этот негодяй Е Фантянь беззастенчиво заигрывает с его учеником, он опасно прищурился. Его аура на миг потяжелела.

<http://bllate.org/book/18182/1758992>